

*В шесть лет я хотел стать поваром. В семь — Наполеоном.
Да и позднее мои притязания росли не меньше,
чем тяга к величию.
Сальвадор Дали*

Рождение гения

Лучше всего о Сальвадоре Дали рассказал он сам. Именно благодаря его книгам («Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим» и «Дневник одного гения»), эпатажным перформансам, скандальным выходкам и, безусловно, художественным работам у нас сложился образ этого творца — то ли гения, то ли сумасшедшего, то ли закомплексованного одинокого художника, боявшегося мира и вынужденного создать свой. Постараемся воздерживаться от каких-либо оценочных суждений творческой жизни Сальвадора Дали, и приведем лишь

беспорные факты и обратимся к знаковым работам, созданным им.

Итак, Дали приглашает нас последовать по его пути, начатому 11 мая 1904 года в небольшом каталонском городке Фигерасе, что на севере Испании.

Дали был вторым ребенком у четы Сальвадора Дали Куси и Фелипы Доменик Куси, первый их сын умер за несколько месяцев до появления Сальвадора. Мальчик получил имя умершего от менингита брата и всю жизнь считал, что, «возможно, мой брат был первой версией меня самого, но слишком совершенной».

Дали писал, что брат умер в семилетнем возрасте от менингита, за три года до того, как родился Сальвадор. Дали считал, что он с братом был похож «как две капли воды»:

на обоих была и «печать гениальности», и отражение «беспричинной тревоги».

С рождения Сальвадор не знал ни в чем отказа и сам признавался, что отсутствие каких-либо сложностей в получении желаемого делало его опасным. «Я цеплялся за удовольствия с безграничным упрямством эгоиста». Он мог исцарапать булавкой щеку кормилице, не получив лакомства лишь потому, что захотел его во время сиесты, когда все лавки были закрыты.

Сальвадор обожал нарушать установленные правила. Описывая свои «победы» в шестилетнем возрасте, он признавался, как улучал момент, чтобы пробраться на кухню и «рискуя и задыхаясь, хватал то ломтик сырого мяса, то жареный гриб, испытывая такую радость и невыразимое счастье».

Кухня была единственным местом в доме, куда запрещалось без позволения проходить мальчику. Этот запрет есть на кухне был связан с книгой Стендаля, в которой одна из маркиз сетовала, что мороженое не может быть греховным удовольствием.

Получив в качестве подарка на день рождения настоящий королевский наряд — горностаевую мантию, золотую корону с драгоценными камнями и скипетр, — Сальвадор часами мог смотреться в зеркало в этом облачении, осознавая свою избранность. Отношение родителей, по мнению ребенка, было таким, что они чуть ли не молились на него. «В доме я царил и повелевал. Для меня не было ничего невозможного».

Границы дозволенного проверялись во всем. Например, Сальвадор признается, что

«писался в постель чуть ли не до восьми лет — только ради своего удовольствия».

Очень часто цитируется фраза Сальвадора Дали о том, что в семь лет он мечтал стать Наполеоном. Она действительно присутствует в книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим». Но контекст ее никак не связан с завоеванием всего мира. По признанию Сальвадора, в семилетнем возрасте он был очарован юной дочерью аргентинской семьи Урсулиной Маммак. По установленной традиции в шестом часу вечера обитатели второго этажа, которые также обожали юного Сальвадора, собирались на распитие матэ. Дали с замиранием сердца следил, как чаша с напитком касается губ его возлюбленной, и втайне завидовал Наполеону, чье изображение красовалось

на деревянном бочонке, из которого разливали напиток, так как император был ближе к губам юной красавицы, чем семилетний Сальвадор Дали. Он признавался, что изображение Наполеона полностью завладело его воображением, которое было столь же непостоянным, как «яичный желток на блюдце (разве что без блюдца)».

Хорошо обеспеченный нотариус Сальвадор Дали Кузи мог дать сыну любое образование, но не считал, что мальчик всерьез увлекается живописью, поэтому определил его в 1908 году (в год рождения младшей сестры Анны-Мари) в местную муниципальную школу.

В 1910 году Дали начал посещать начальную школу испано-французского колледжа *Immaculada Concepcion*, где учился

(также изучая французский) до двенадцати лет.

Скучные уроки общеобразовательного курса нисколько не увлекали Сальвадора, и он стал уверенным «второгодником», получая от учителей упреки в умственной отсталости и лени.

Но уже с 6-летнего возраста он начал рисовать. Первый пейзаж окрестностей Фигераса в стиле импрессионизма сохранился прекрасно.

Мечтая о своей собственной мастерской, юный художник видел ее в прачечной, которая находилась под крышей и давным-давно была заброшена. В конце концов его мечта сбылась. Он смог обставить мастерскую по своему усмотрению.

Первая мастерская Дали была слишком тесной для его замыслов, но бесспорно, что

на тот момент она представлялась лучшим местом для его работы. Художник установил на стоящую посередине комнаты цементную лохань стул, на который положил доску, соорудив себе рабочий стол.

Сальвадор признается, что книги в библиотеке его отца очень рано превратили его в атеиста. В сочинениях Вольтера он находил стройную и последовательную аргументацию устройства общества, а строки Ницше о том, что «Бог умер!», оставили глубокий след в его памяти. «Каково! Не успел я свыкнуться с мыслью, что Бога вообще не существует, как кто-то приглашает меня присутствовать на его похоронах! У меня стали зарождаться первые подозрения». На постижение сочинений немецкого философа и составление мнения о нем ушло три дня.

Десятилетний Сальвадор очарован кинематографом и пересматривает абсолютно все фильмы с участием Чарли Чаплина. Дали писал, что Чарли Чаплин был признанным шутком, которому удалось отразить свою эпоху. Художник восхищался этим актером, который не только прекрасный комедиант, но и замечательно рисует, ставит спектакли, «то есть делает все то, что делаю я, это уже непревзойденная степень гениальности...». Намного позже Дали скажет: «Надеюсь, никто не посягнет на мой высший титул — титул шута».

При этом, входя в кинотеатр, Сальвадор понятия не имел, что надо платить за билет. Возможно, он просто не придавал значения, когда ему впервые объясняли правила посещения кинотеатра, в результате страх

перед билетерами у него был таким же, как перед телефонами и кузнечиками (о чем мы расскажем ниже), и билеты всегда покупала его сестра.

В 14 лет у Сальвадора Дали открылась персональная выставка № 1 в муниципальном театре Фигераса.

В это время Дали считал себя «художником-импрессионистом». Как только студенты решили организовать живописную выставку в фойе кинотеатра «Эдисон», Дали принял в ней самое деятельное участие. Он занялся росписью стен, оббитых холстом, вверху которых нарисовал гирлянду из голубых цветов. Эта гирлянда украшала фойе еще долгие годы, хотя никто и не интересовался авторством рисунка. Выставка стала настоящим событием для города, о ней восторженно писали

местные газеты «Л'Эмпорда Федераль» и «Ла Веу де Л'Эмпорда». На этой же выставке Дали впервые получил свой заработок как художник. Его работы приобрел фармацевт Жоаким Куси.

На выставку Дали предоставил 22 картины, в основном это были пейзажи, так как для того, чтобы оплачивать моделей, юный художник не располагал достаточными средствами. Поэтому на портретных работах в это время Дали изображал в основном свою сестру. Одну из таких картин «Фигура в профиль» и приобрел на выставке Жоаким Куси за 500 песет. В 2018 году Фонд «Гала-Сальвадор Дали» приобретет эту картину на аукционе за 2 млн евро.

В письмах к горячо любимому дяде Сальвадор писал, что чем больше он отдается

живописи, тем больше понимает и ощущает ее огромный масштаб, он не может от нее оторваться и от всего этого захлестнувшего его процесса — счастлив. По-прежнему ориентирами для Сальвадора в искусстве остаются великие французы-импрессионисты — Моне, Дега, Ренуар.

Приблизительно в этом возрасте Дали знакомится с Рамоном Пишот-и-Рамонесом, каталонским художником, другом Пабло Пикассо. Пишот пишет в стиле импрессионизма и охотно представляет его талантливому юноше. С началом Первой мировой войны Пишот возвращается в Испанию и становится первым учителем Дали.

Лето 1916 года 12-летний Сальвадор Дали проводит с семьей Рамона Пишота. Дали очарован рассказами о художественной

жизни Парижа. Он буквально окунается во французский импрессионизм и испанский символизм.

Пишот представляет юношу художнику-академисту Хуану Нуньесу, который занимает профессорскую должность на факультете рисования в институте Фигераса.

На частных уроках рисования, которые Нуньес начал давать юноше, однажды произошел случай, навсегда закрепивший за учеником право на творческую свободу. Учитель решил слегка осветлить слишком темные тона на бороде нищего, которого рисовал Дали.

Тогда мальчик при помощи туши и угля еще более зачернил бороду, а после, растерев пятно туши слюной, добился неповторимого серого оттенка.

Как описывает Дали в своих воспоминаниях, «Восхищению учителя не было предела!». Поэтому в то время, когда другие ученики на уроках должны были рисовать постановочные формы, Сальвадор вправе был выбирать собственные сюжеты для художественного воплощения. Возможно, Дали ни капли не лукавит, так как его сестра Анна-Мария в пору окончательной ссоры с братом признавала, что Хуан Нуньес и школьный учитель литературы как-то специально посетили семейство Дали, чтобы засвидетельствовать отцу, что его сын гений. При этом Сальвадор был очень прилежным учеником и никогда не пропускал занятий.

Однажды в сильный ливень, когда прочие ученики остались дома, он пришел в класс, и Нуньес с усмешкой спросил: «А что, если